

А. Дюма

**Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя.
Том 2**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Д96

Д96 **Дюма А.**
Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя. Том 2 / А. Дюма – М.: Книга по Требованию, 2024. – 458 с.

ISBN 978-5-4241-1553-0

В настоящей книге печатаются третья и четвертая части известного романа А. Дюма "Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя", завершающего трилогию о мушкетерах.

ISBN 978-5-4241-1553-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка.
«Книга по Требованию», 2024
© А. Дюма, 2024

Александр Дюма
Виконт де Бражелон, или
Десять лет спустя. Том 2

Часть третья

I. Бесплезные усилия

Отправившись к де Гишу, Рауль застал у него де Варда и Маникана. После истории с дуэлью де Вард делал вид, что не знаком с Раулем.

Де Гиш встал навстречу Раулю. Горячо пожимая руку друга, Рауль бросил беглый взгляд на его гостей, стараясь угадать, чем они озабочены.

Да Вард был холоден и непроницаем. Маникан как будто весь был погружен в созерцание убранства комнаты.

Де Гиш увел Рауля в соседний кабинет и усадил его.

— Ты выглядишь молодцом! — сказал он ему.

— Странно, — отвечал Рауль, — настроение у меня весьма неважное.

— Так же как и у меня, Рауль. Любовные дела не ладятся.

— Тем лучше, граф. Я был бы очень огорчен, если бы твои дела шли хорошо.

— Так не огорчайся. Я очень несчастлив и вдобавок вижу кругом одних счастливых.

— Не понимаю, — отвечал Рауль. — Пожалуйста, друг мой, объяснись.

— Сейчас поймешь. Я напрасно боролся со своим чувством; оно росло и постепенно захватывало меня целиком. Я вспоминал твои советы, призывал на помощь все свои силы; я хорошо понимал, на что я иду. Это гибель, я знаю. Но пусть! Я все-таки пойду вперед.

— Безумец! Ведь первый же шаг погубит тебя.

— Пусть будет что будет.

— Однако ты рассчитываешь на успех, ты думаешь, что принцесса полюбит тебя!

— Я не уверен, Рауль, но надеюсь, потому что без надежды жить невозможно.

— Но допустим, ты добьешься счастья, ведь тогда ты уж наверняка погибнешь.

— Умоляю тебя, Рауль, не спорь со мной, ты меня не переубедишь: я не хочу этого. Я так долго добивался, что уже не могу отступить, я так сильно страдал, что смерть показалась бы мне благодеянием. Я не только безумно влюблен, Рауль, меня терзает также неистовая ревность.

Рауль сжал кулаки; можно было подумать, что его охватил гнев.

— Ну хорошо! — сказал он.

— Хорошо или плохо — мне все равно. Вот чего я хочу от тебя, моего друга, моего брата. Последние три дня принцесса в непрерывном опьянении от восторга. В первый день я не решался взглянуть на нее, — я ненавидел ее за то, что она не страдает, подобно мне. На другой день я не мог отвести от нее глаз, и она, я это заметил... она, Рауль, смотрела на меня если не с состраданием, то с некоторой благосклонностью. Но между нами встал третий; чья-то улыбка вызывает ее улыбку. Рядом с ее лошадью постоянно скачет лошадь другого, над ее ухом постоянно звучит ласковый голос другого. Рауль, моя голова пылает все эти три дня, в моих жилах разливается огонь. Я должен прогнать эту тень, потушить эту улыбку, заглушить этот голос!

— Ты собираешься убить принца? — воскликнул Рауль.

— Нет, нет! К принцу я не ревную; я ревную не к мужу, а к любовнику.

— К любовнику?

— Да... А разве ты теперь ничего не замечаешь? В дороге ты был более проницателен.

— Ты ревнуешь к герцогу Бекингэму?

— Я умираю от ревности!

— Опять?

— О, на этот раз дело легко уладить, я уже послал ему письмо.

— Так это ты ему писал?

— А ты почему знаешь?

— Он сам сообщил мне. Вот, смотри.

И Рауль протянул де Гишу письмо, полученное им почти в одно время с письмом друга. Де Гиш с жадностью прочитал его и заметил:

— Это письмо благородного и, главное, учтвого человека.

— Конечно, герцог — человек воспитанный. Надеюсь, твое письмо составлено в таких же выражениях.

— Я покажу тебе мое письмо, если ты пойдешь к нему от моего имени.

— Но это почти невозможно.

— Почему?

— Герцог обращается ко мне за советами так же, как и ты.

— Да, но, надеюсь, ты мне отдашь предпочтение. Послушай, вот что я попрошу тебя сказать герцогу... Это нетрудно... В один из ближайших дней: сегодня, завтра, послезавтра — словом, когда ему будет угодно, я желал бы встретиться с ним в Венсенском лесу.

— Герцог — иностранец. Да и особое его положение не позволяет ему принять вызов... Вспомни, что Венсенский лес расположен совсем недалеко от Бастилии.

— Последствия касаются только меня.

— Но повод к этой встрече... Какой я выставлю повод?

— Будь спокоен, он тебя не спросит об этом... Я так же раздражаю герцога, как и он меня. Прошу тебя, пойдти к герцогу; я готов упрашивать его принять мой вызов.

— Это лишнее... Герцог предупредил меня, что хочет поговорить со мной. Он на карточной игре у короля... Пойдем туда. Я вызову его в галерею. Ты же держись в стороне. Мне достаточно будет двух слов.

— Ну так идем!

По дороге Рауль, который один только знал тайны обеих сторон, обдумывал, как бы устроить их примирение.

Войдя в залитую светом галерею, где, точно звезды на небесном своде, двигались самые прославленные придворные красавицы, Рауль на мгновение забыл о де Гише и загляделся на Луизу. Находясь среди своих подруг, она, точно зачарованная голубка, не сводила глаз с блестящей группы, окружавшей короля.

В десяти шагах от принца герцог Бекингэм пленял французов и англичан своим величественным видом и роскошью наряда.

Кое-кто из старых придворных вспоминал его отца, но это воспоминание было не во вред сыну.

Бекингэм разговаривал с Фуке. Фуке рассказывал ему что-то о Бель-Иле.

— Сейчас я не могу подойти к нему, — заметил Рауль.

— Подожди удобного момента, но, пожалуйста, кончим сегодня. Я весь горю.
— Вот кто нам поможет, — сказал Рауль, завидев д'Артаньяна в новом блестящем мундире капитана мушкетеров.

И Рауль направился к д'Артаньяну.

— Вас искал граф де Ла Фер, шевалье, — сказал он.

— Я только что с ним говорил, — ответил д'Артаньян, рассеянно оглядываясь кругом.

Вдруг взор его стал напряженным, как у орла, заметившего добычу.

Рауль проследил за направлением его взгляда и увидел, что де Гиш кланяется д'Артаньяну. Но он не мог разобрать, на кого был обращен пытливый и надменный взгляд капитана.

— Шевалье, — сказал Рауль, — вы могли бы оказать мне большую услугу.

— Какую, милый виконт?

— Мне нужно сказать два слова герцогу Бекингэму, но он разговаривает с господином Фуке, и мне, конечно, невозможно вмешаться в их беседу.

— Вот как! С господином Фуке? Господин Фуке здесь? — спросил д'Артаньян.

— Разве вы не видите? Вон там.

— Так ты думаешь, что мне удобнее подойти к нему, чем тебе?

— Вы человек более значительный.

— Да, это правда. Я капитан мушкетеров. Этот чин я получил так недавно, что постоянно забываю о нем.

— Смотрите, он смотрит на вас... если я не ошибаюсь.

— Нет, нет, не ошибаешься, именно мне он оказывает эту честь.

— Так теперь самая подходящая минута.

— Ты думаешь?

— Пожалуйста, пойдите.

— Иду.

Де Гиш не спускал глаз с Рауля; тот сделал ему знак, что дело улажено.

Д'Артаньян направился прямо к группе, окружавшей герцога, и вежливо раскланялся с г-ном Фуке и остальными.

— Здравствуйте, господин д'Артаньян. Мы беседовали о Бель-Иле, — начал Фуке непринужденным тоном светского человека, которым многие не могут овладеть за всю жизнь.

— О Бель-Иле? Вот как! — удивился д'Артаньян. — Ведь он принадлежит вам, господин Фуке?

— Господин Фуке сейчас только сказал мне, что он подарил его королю, — заметил Бекингэм. — Очень рад вас видеть, господин д'Артаньян.

— А вы знаете Бель-Иль, шевалье? — спросил мушкетера Фуке.

— Я был там только раз, сударь, — любезно отвечал д'Артаньян.

— И долго там пробыли?

— Один день, монсеньор.

— Что же вы там видели?

— Все, что можно увидеть в течение одного дня.

— С вашими глазами, сударь, за день можно увидеть много.

В это время Рауль сделал знак Бекингэму.

— Господин суперинтендант, — сказал Бекингэм, — оставляю вам вместо

себя капитана, который лучше меня разбирается в бастионах, эскарпах, контрэскарпах; меня зовет приятель.

И Бекингэм направился к Раулю, остановившись по дороге у стола, за которым играли принцесса, королева-мать, молодая королева и король.

— Смотри, Рауль, — подтолкнул друга де Гиш. — Вот он... поспеши.

Сказав комплимент принцессе, Бекингэм снова двинулся к Раулю. Рауль пошел к нему навстречу. Де Гиш остался на месте и внимательно наблюдал.

В тот момент, когда они должны были встретиться, к герцогу Бекингэму подошел принц.

На его накрашенных губах играла очаровательная улыбка.

— Боже мой! — произнес он с дружеской любезностью. — Что я слышал, милый герцог?

Бекингэм оглянулся; он не заметил, как подошел принц.

Герцог невольно вздрогнул. Легкая бледность покрыла его щеки.

— Что же вы услышали, ваше высочество? — спросил он. — Что так поразило вас?

— Даже привело в отчаяние, сударь! — отвечал принц. — Это известие огорчит весь двор.

— Ваше высочество очень благосклонны ко мне, — поклонился Бекингэм. — Я догадываюсь, что речь идет о моем отъезде.

— Именно.

— Увы, ваше высочество, я в Париже всего пять-шесть дней, и мой отъезд может огорчить только меня.

Де Гиш услышал эту фразу и, в свою очередь, вздрогнул.

— Его отъезд! — пробормотал он. — Что он говорит?

Филипп продолжал прежним любезным тоном:

— Я вполне понимаю, что король Великобритании призывает вас, сударь; всем известно, что его величество Карл Второй не может обойтись без вас. Но и мы не можем так легко расстаться с вами. Примите же выражение моего искреннего сожаления.

— Ваше высочество, — сказал герцог, — поверьте мне, я покидаю французский двор...

— Потому, что такова воля короля, я понимаю. Но если вы думаете, что мое желание имеет какой-нибудь вес у короля, то я берусь упросить его величество Карла Второго оставить вас во Франции еще на некоторое время.

— Я крайне польщен, ваше высочество, — отвечал Бекингэм. — Но я получил категорический приказ. Я не могу дольше оставаться во Франции, я и так уже просрочил время и рискую вызвать неудовольствие моего государя. Только сегодня я вспомнил, что должен был уехать уже четыре дня назад.

— Вот как! — воскликнул принц.

— Да, — прибавил Бекингэм, возвышая голос настолько, чтобы его могли услышать принцесса и королевы. — Но я похож на того восточного человека, который увидел чудесный сон и на несколько дней потерял рассудок. А в одно прекрасное утро проснулся здоровым, то есть в здравом рассудке. Французский двор опьяняет, как этот сон, ваше высочество, но в конце концов нужно проснуться и уехать. Я не могу долее оставаться здесь, как вы любезно предлагаете мне, ваше высочество.

— Когда же вы едете? — заботливо спросил Филипп.

— Завтра, ваше высочество... Уже три дня мои экипажи готовы.

Принц склонил голову, точно желая сказать: «Что ж, если это дело решенное, герцог, говорить больше не о чем».

Бекингэм посмотрел на королев; Анна Австрийская взглядом одобрила его.

Бекингэм улыбнулся в ответ, скрывая улыбкой сердечное волнение.

Принц удалился.

Но в эту минуту с другой стороны залы к герцогу направился де Гиш.

Рауль испугался, что нетерпеливый юноша может сам сделать вызов, и бросился к нему навстречу.

— Нет, нет, Рауль, теперь тебе нечего беспокоиться, — сказал де Гиш, протягивая герцогу обе руки и увлекая его за колонну.

— О герцог, герцог! — воскликнул он. — Простите меня за мое письмо: я был сумасшедший. Отдайте мне его.

— Это правда, — отвечал молодой герцог с грустной улыбкой. — Вам не за что сердиться на меня. Ведь я покидаю ее и больше не увижу никогда.

Услышав эти по-дружески звучащие слова, Рауль понял, что его присутствие излишне, и отошел в сторону.

Он столкнулся с де Вардом, который говорил с шевалье де Лорреном об отъезде Бекингэма.

— Весьма своевременный отъезд, — заметил де Вард.

— Почему?

— Потому, что он предохраняет милого герцога от удара шпаги.

И они расхохотались.

Рауль с негодованием отвернулся, нахмутив брови и вспыхнув до корней волос.

Шевалье де Лоррен куда-то ушел, де Вард спокойно ждал.

— Милостивый государь, — обратился Рауль к де Варду, — вы всё не можете отучиться от привычки оскорблять отсутствующих. Вчера вы задели господина д'Артаньяна, сегодня нападаете на герцога Бекингэма.

— Милостивый государь, — отвечал де Вард, — вы отлично знаете, что иногда я оскорбляю и присутствующих.

Де Вард почти касался плечом Рауля. Они обменивались ненавидящими взглядами.

Вдруг около них раздался изысканно вежливый голос:

— Мне послышалось, будто здесь назвали мое имя?

Рауль и де Вард обернулись. Это был д'Артаньян; он с улыбкой положил руку на плечо де Варда. Рауль отступил, чтобы дать место мушкетеру. Де Вард задрожал всем телом, побледнел, но не сделал ни одного шага.

Д'Артаньян, продолжая улыбаться, стал рядом с де Вардом.

— Спасибо, милый Рауль, — сказал он. — Господин де Вард, я хотел бы поговорить с вами. Не уходите, Рауль; все могут слышать то, что я хочу сказать господину де Варду.

Улыбка исчезла с его лица, взгляд стал холодным и острым, как стальной клинок.

— Я к вашим услугам, сударь, — промолвил де Вард.

— Милостивый государь, — продолжал д'Артаньян, — я давно ищу возмож-

ности поговорить с вами, но это случилось только сегодня. Правда, место не особенно удобное. Но, может быть, вы соблаговолите пройти ко мне? Это совсем близко.

— Слушаю, сударь, — сказал де Вард.

— Вы здесь один? — спросил д'Артаньян.

— Нет, со мной господа Маникан и де Гиш, двое моих друзей.

— Хорошо, — одобрил д'Артаньян. — Но двоих мало. Вы найдете еще кого-нибудь, не правда ли?

— Конечно, — сказал молодой человек, не понимая, чего хочет д'Артаньян. — Сколько вам угодно.

— Друзей?

— Да, сударь.

— Так запаситесь ими, пожалуйста. Подойдите и вы, Рауль. Приведите также господина де Гиша и герцога Бекингэма.

— Боже мой, сударь, сколько шуму, — отвечал де Вард, принужденно улыбаясь.

Капитан сделал знак, призывавший его к терпению, и направился в свою комнату, где сидел в ожидании граф де Ла Фер.

— Ну что? — спросил он, завидев д'Артаньяна.

— Господин де Вард оказывает мне честь своим визитом в обществе нескольких своих и наших друзей.

Действительно, вслед за мушкетером показались де Вард и Маникан. За ними шли де Гиш и Бекингэм, удивленные, не понимая, чего от них хотят. Последним вошел Рауль с несколькими придворными. Заметив графа, он встал подле него.

Д'Артаньян принял гостей как нельзя более любезно. Извинившись перед каждым за причиненное им беспокойство, он повернулся к де Варду, который, несмотря на все свое самообладание, не мог скрыть удивления, смешанного с тревогой.

— Милостивый государь, — начал д'Артаньян, — теперь, когда мы не в королевском дворце и можем говорить громко, не нарушая приличий, я сообщу вам, почему я взял на себя смелость пригласить вас и всех этих господ. Я узнал от графа де Ла Фер, моего друга, что вы распространяете обо мне оскорбительные слухи; мне сказали, что вы считаете меня своим смертельным врагом на том основании, что я будто бы был врагом вашего отца.

— Это правда, милостивый государь, я говорил это, — отвечал де Вард, и его бледность сменилась легким румянцем.

— Итак, вы обвиняете меня в преступлении или в низости? Прошу вас точнее формулировать ваше обвинение.

— При свидетелях, милостивый государь?

— Разумеется, при свидетелях; вы видите, что я нарочно выбрал их судьями в деле чести.

— Вы не цените моей деликатности, милостивый государь. Я обвинял вас, это правда, но подробности своего обвинения я держал в тайне. Я довольствовался тем, что выражал свою ненависть перед людьми, которые не могли не сообщить вам о ней. Вы не приняли в расчет моей сдержанности, хотя и были заинтересованы в моем молчании. Я не узнаю вашего обычного благоразумия, господин д'Артаньян.

Д'Артаньян стал кусать усы.

— Милостивый государь, — сказал он, — я уже имел честь просить вас точнее формулировать обвинение, возводимое вами на меня.

— Вслух?

— Разумеется.

— Даже если речь идет о постыдном поступке?

— Непременно.

Свидетели этой сцены стали было тревожно переглядываться, но, видя, что д'Артаньян не обнаруживает никакого волнения, успокоились.

Де Вард хранил молчание.

— Говорите, милостивый государь, — попросил мушкетер. — Вы видите, все ждут.

— Ну так слушайте. Мой отец любил одну женщину, одну благородную женщину, и эта женщина любила отца.

Д'Артаньян переглянулся с Атосом.

Де Вард продолжал:

— Господин д'Артаньян перехватил письма, в которых назначалось свидание, и, переодевшись, явился вместо того, кого ожидали; затем он воспользовался темнотой...

— Это правда, — подтвердил д'Артаньян.

По комнате пробежал легкий ропот.

— Да, я совершил этот дурной поступок. Вы должны были бы прибавить, милостивый государь, если уж вы так беспристрастны, что в то время, когда произошло это событие, мне не было еще двадцати одного года.

— Поступок тем не менее постыдный, — сказал де Вард. — Для совершенноголетнего дворянина такая неделикатность непростительна.

Снова раздался ропот, в котором теперь слышалось удивление и даже сомнение.

— Это была скверная выходка, — согласился д'Артаньян. — Не дожидаясь упреков господина де Варда, я сам горько упрекал себя за нее. С годами я стал рассудительнее и честнее, и я искупил свою вину долгими сожалениями. Обращаюсь к вашему суду, господа. Дело происходило в тысяча шестьсот двадцать шестом году, в такие времена, о которых вы, господа, знаете только по рассказам, — времена, когда любовь была неразборчива в средствах, а совесть не служила, как теперь, источником отрады и мук. Мы были молодыми солдатами, вечно в боях, вечно с обнаженными шпагами. Каждую минуту нам угрожала смерть; война делала нас грубыми, а кардинал заставлял торопиться. Словом, я раскаялся в своем поступке; больше того, я и до сих пор раскаиваюсь в нем, господин де Вард.

— Это понятно, сударь, такой поступок не мог не вызвать раскаяния. Тем не менее вы погубили женщину. Та, о которой вы говорите, не вынеся стыда и обиды, бежала из Франции, и с тех пор никому не известно, что с ней случилось.

— Вы ошибаетесь, — мрачно усмехнулся граф де Ла Фер, протянув руку к де Варду, — ее видели, милостивый государь, и среди нас есть даже люди, которые узнают ее по моему описанию. Это была двадцатипятилетняя худенькая и бледная блондинка, которая была замужем в Англии.

— Замужем? — спросил де Вард.